

дни. Советская трудящаяся женщина первый раз в истории вовлекается в массовом масштабе в общественно-производительный, социалистический труд — на фабрики, на заводы и в колхозное производство.

„Сотни и тысячи женщин Советского Союза работают в органах советской власти, в кооперации, в области культуры, просвещения, здравоохранения, учатся в техникумах, вузах и втузах. Сотни тысяч крестьянок — ударниц колхозных полей, членов правлений колхозов, бригадиров на разнообразнейших участках сельского хозяйства — наравне с мужчиной укрепляют колхозный строй, который несет женщинам полное освобождение“ („Правда“, 8 марта 1933 г.).

Сознательная и активная участница социалистического строительства не нуждается в „божьей“ помощи, она с презрением отбрасывает поповско-сектантские сказки о небесном рае и своею собственной рукой строит новую, лучшую жизнь на земле, жизнь без всякого угнетения и эксплуатации, без горя и нищеты. Миллионы трудящихся жен-

щин уже расстались навсегда с религией, миллионы порвут с нею завтра.

Еще недавно пишущие эти строки были религиозны. Теперь каждая из нас безбожница. Мы поняли, какой вред приносит религия женщине, и об этом решили рассказать другим, особенно тем, кто еще находится под влиянием религии, кто еще не сбросил с себя религиозные предрассудки, привитые трудящимся в старом, эксплуататорском обществе.

Пусть каждая трудящаяся женщина, которая прочтет эту книжку, задумается над своим отношением к религии, пусть она вспомнит свой жизненный путь и сравнит его с нашим.

Когда она это сделает, то увидит, что правда на нашей стороне, она убедится, что религия является злейшим врагом трудящихся, она поймет, что религия мешает нам строить новую, социалистическую жизнь. А поняв все это, трудящаяся женщина сбросит со своих глаз вековые религиозные повязки и встанет в ряды сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества, встанет на тот

путь, на который зовет ее ленинская
партия и любимый вождь и учитель
трудящихся — т. Сталин.

Бригада безбожниц-домохозяек:

*Баранова,
Белобородова,
Корзунова,
Михайлова,
Сторубленкова.*

25 июля 1933 г.

И. Тов. Баранова

У меня был муж пьяница. Зарабатывал он по тому времени не плохо, но почти все пропивал. В неделю пропивал не меньше 8 рублей. Он умер от чахотки еще в 1910 г. Сколько я от него натерпелась,—вспомнить странно. Если трезвый—молчит, как стена, слова не выпросить. Сидит, ест и глаз не поднимет. Но это было редко. Чаще всего он приходил прямо из „казенки“. Тогда уж разговорчив был до такой степени, что за капитальной стеной все было слышно. Начинает например так: „У тебя, Зина, чего глаза блестят,—пьяная?“ Я ему: „Сам ты

пьяный“. „Ах, ты еще разговаривать будешь!“ И начинались издевательства и избиение. Возвращался в 2 часа ночи. Однажды привязался ко мне: „Какая ты жена, что мужа не встречаешь!“ И так ударил кулаком, что я свалилась сразу на пол. Лежу без сознания и встать не могу. Он к сестре: „Сходи к жене, посмотри, что там с ней“.

Сошлось много народу, думали, что я умерла. Я, как сквозь сон, слышала, как кричали: „Зина, Зина!“ После этого случая у меня начались сердечные припадки. Себя мне не жалко было, но вот дети, чем они виноваты? Из 9 детей четверо родились мертвыми, трое до году не дожили. Доктор сказал, что это от побоев и первых потрясений, которые я переживала.

После побоев я всегда много молилась. Я не говорила готовые молитвы. Они не подходили под мое горе. Я сама выдумывала обращение к богу и к святым. Помню, так просила: „Спасите меня и сохраните, Гурий, Симон и Авив. Господи, за что меня наказуешь? За что я должна мучиться? Избави меня от него. Облегчи мои страдания“...

Я теперь и думаю, что муж мне кулаком в голову вбивал религию. Я от его побоев и от униженного положения своего искала в религии утешения.

Добавлю еще одно. От горя такого у меня росло религиозное чувство, но одновременно закрадывались и противоположные чувства. Иногда плачу, молюсь, а сама думаю: какой это бог, что он позволяет меня бить ни за что! А вообще картина была такая: когда все тихо, спокойно, хорошо — про бога забываешь, а чуть что — снова за молитву. Теперь вот: страха никакого, и религии никакой.

Я научилась читать при советской власти. Раньше буквы не знала, а теперь вот мне 53 года, я сижу за книгой до 2 часов ночи.

Болезнь детей тоже повышала мою религиозность. У меня болела чахоткой дочь Анна. В сырой, тесной комнате это не редкость. Не видя ниоткуда помощи, я очень часто ходила в церковь. Когда дочери было 12 лет, она совсем на живого человека не походила. Однажды говорит: „Мама, я верно умру скоро“. Я сразу побежала по обычаю в церковь ставить

свечу на „воздух“. Там уже стояло 3 свечи. Они уже догорали, это значит 3 человека в это время умирали. Поставила и я, четвертую свечу. Пришла домой. Дочь говорит: „Мама, я умираю. Помолись за меня. Пусть бог даст смерть или жизнь мне“. Я на колени: „Господи, спаси ты ее, прекрати ее страдания, дай ей облегчение и здоровье“. Смотрю, Аня моя поднялась с подушки и села на корточки. И через минуту: „Нет, я все же не верю, что есть бог. Если бы он был, он бы не мучил меня, ни в чем не повинную. Я жить хочу, жизни я не видела, а умирать должна, да в страданиях таких. Нет его“. Тут она упала, как сноп, на подушку, мертвая. Вот и помог бог, дал здоровья, называется.

Теперь вот и бесплатное лечение. Да и сама я при советской власти просветилась: знаю, что молитвой чахотку не вылечишь. Если бы кто и заболел у меня, не к попу, а к доктору пойду. А раньше никакой тебе помощи. Зато на наш труд всякие эксплуататоры жили в сытости и чистоте. К ним и болезнь не приставала, перед ними и врачи на цыпочках бегали. Нашему брату оставляли только тяже-

лую работу на них, темноту, болезни всякие и религию обманчивую.

Только сейчас я поняла, что религия — враг трудящейся женщины.

Я рассказывала о том, как меня бил до полусмерти пьяный муж. Я не нашла защиты у попа и церкви, а я ее там искала. Я жаловалась попу на исповеди на мужа. Но батюшка мне отвечал: „Надо жить покорно, терпеть надо, роптать нельзя! Смирись, смирись!“ Я теперь и понимаю так, что религия еще больше гнула к земле нашего брата. Ты защиты ищешь, а тебе: „терпеть надо, роптать нельзя“.

У меня неверие началось с попов. На попов я денег всегда жалела. Зато бывали неприятности. Помню один случай. После исповеди положила вместо пятака всего три копейки. Отошла шага три, глядь, а мой батя как швырнет мне вдогонку три копейки.

Когда у меня болели ноги, то я три раза на коленях оползла церковь Параскевы-Пятницы, на Охте в Ленинграде. Не лечила ноги, а ползала зря по земле. Ясно, что ноги стали болеть хуже.

В прошлом году племянница моя по-

шла в церковь. Заказала попу молиться за упокой ее родителей и за здоровье нас, трех сестер. Поп перепутал. Отпел за здоровье умерших и за упокой нас, живых. Племянница от страха не знала, что делать. Но с ней был ее сын 10 лет. Он — догадливый мальчик. Говорит: „Ты, мама, не расстраивайся. Пойду к попу и скажу, чтобы перечитал наоборот“. Так и сделал.

После этого я долго смеялась. И теперь не хожу в церковь. Я теперь совсем не боюсь бога. Знаю, что помру и в пылинку превращусь. Особенно меня укрепляет в неверии то, что безбожники народ куда лучший, чем те, кто молится и днем и ночью. Я понимаю так, что религия ничему хорошему не учит. Все только: грех да смирение. Мне 53 года, старуха такая, что хоть на утиль пусти, а если буду умирать, то попа прогону и безбожный значок нацеплю.

2. Тов. Белобородова

Расскажу про то горе, которое приковало меня к религии на многие годы.

Когда я вышла замуж, то переехала в семью мужа. Семья была огромная, в 25 человек. Самую большую власть имела бабушка моего мужа. Ниже чинов отец мужа, потом свекровь. А дальше дело перепуталось. На место моего мужа стал его младший брат. Это случилось потому, что родители моего мужа снизили своего старшего сына перед младшим за жепитьбу этого старшего сына на мне — горожанке, против их воли и власти. Я и мой муж были на